

Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. 368 с. [Rodzyanko M. V. Krushenie imperii i Gosudarstvennaya Duma i Fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M., 2002. 368 s.]

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. 103 с. [Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 gg. (v cifrax). M., 1925. 103 s.]

Северное слово. 1914. [Severnoe slovo. 1914.]

Уральская жизнь. 1914. [Ural'skaya zhizn'. 1914.]

Уральская жизнь. 1915. [Ural'skaya zhizn'. 1915.]

Урибес Э. С. Современная французская историография Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 33–45. [Uribes E'. S. Sovremennaya francuzskaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny (metodologiya i problematika) // Pervaya mirovaya vojna: diskussionnye problemy istorii. M., 1994. S. 33–45.]

Уфимская жизнь. 1915. [Ufinskaya zhizn'. 1915.]

Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27. [Ferster S. Total'naya vojna. Konceptual'nye razmyshleniya k istoricheskomu analizu struktur e'poxi 1861–1945 gg. // Opyt mirovux vojn v istorii Rossii. Chelyabinsk, 2007. S. 12–27.]

Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. 1 с. [Carskie slova k russkomu narodu. Vysochajshie manifesty ob "yavlenii vojny s Germaniej i Avstro-Vengrije. Pg., 1914. 1 s.]

ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 128. [CGA OORB. F. 1832. Op. 3. D. 128.]

ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. [CDNIKO. F. 45. Op. 1. D. 88.]

Статья поступила в редакцию 21.05.2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.257 + 929 Тухачевский +
+ 929 Де Голль

Ю. З. Кантор

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ И Ш. ДЕ ГОЛЛЬ В ЛАГЕРЕ ИНГОЛЬШТАДТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИЙ

Статья посвящена малоизвестным страницам биографий двух знаменитых деятелей политической истории XX в. — будущего президента Франции Ш. де Голля и будущего маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. Повседневность их пребывания в плену, условия содержания в лагере для военнопленных офицеров «Ингольштадт» в период Первой мировой войны, особенности характеров и взаимоотношений, формирование политических взглядов прослежены на основе неизвестных документов из российских и германских архивов и мемуарных источников.

Ключевые слова: Первая мировая война; плен; офицеры; Шарль де Голль; Михаил Тухачевский; условия содержания; побег.

Одной из главных достопримечательностей баварского Ингольштадта, стоящего на берегу Дуная, является крепость, созданная по проекту Л. фон Кленце, где с 70-х гг. XX в. находится музей Армии. Мощные форты, построенные в первой

трети XIX в., как бы опоясывали город на расстоянии 10–12 км от его географической границы. Это кольцо фортов так и называлось — «пояс фортификаций»¹. Во время Первой мировой форты уже потеряли свое первоначальное стратегическое значение, и здесь размещался лагерь для военнопленных офицеров, считавшийся одним из самых суровых по условиям содержания. Прусское военное министерство небезосновательно считало, что побег из фортов Ингольштадта невозможен. Потому сюда из других немецких лагерей для военнопленных офицеров направлялись самые отчаянные беглецы-рецидивисты.

Самые знаменитые узники Ингольштадта XX в. — будущий президент Франции Шарль де Голль и будущий маршал Советского Союза Михаил Тухачевский. Если о пребывании де Голля в плену сохранились немногочисленные свидетельства его самого и его земляков, то об «одиссее» подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка М. Н. Тухачевском неизвестно практически ничего — материалы об этом периоде его жизни хранятся в баварских архивах. Поскольку этим двум героям военно-политической истории XX в. судьбой было уготовано вместе коротать будни немецкого плена, имеет смысл на основе документов и мемуарных источников реконструировать эти малоизвестные и в значительной мере взаимодополняющие страницы их биографий.

Тухачевский до Ингольштадта побывал в нескольких лагерях, о чем можно судить по досье на него, хранящемся в Баварском военном архиве. В лагере Штральзунд получил 6 дней ареста за конфликт с надзирателем; за попытку к бегству военный суд Галле 16 мая 1916 г. приговорил его к трем неделям «домашнего ареста». В лагере Бад-Штуер Тухачевский получил 14 дней «домашнего ареста» за отказ следовать служебным распоряжениям дежурного офицера. Еще 14 дней ареста — за «недозволенное отдаление от предписанного местонахождения» (попытка к бегству. — Ю. К.) [Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Strafbuchauszug», S. 3].

Уже вернувшись в Россию, Тухачевский в рапорте командующему Семеновским резервным полком, в котором служил, описал свои похождения с той же протокольной точностью. «В плен я был взят в немецкой атаке на участке нашей позиции у д. Пяечно. Оттуда с остановками я был перевезен немцами до солдатского лагеря Бютова, где временно провел три дня и был отправлен далее в Штральзунд в офицерский лагерь Денгольм» [Шабанов, с. 91].

Сохранилось прошение брата Тухачевского — Александра, направленное начальнику Петроградского окружного штаба. «В конце февраля текущего года брат мой, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка... Михаил Николаевич Тухачевский попал в плен к германцам. В настоящее время я получил от него письмо из Штральзунда, где он ныне находится, с просьбой о ходатайстве перед Вашим Высокопревосходительством о выдаче причитающегося ему жалования на мое имя со времени последней выдачи ему оного. При сем честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее от Вас распоряжение об ускорении вышеизложенной просьбы ввиду неотложных уплат по поручению брата. 28 мая 1915 г.» [РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 50, л. 18].

¹ До наших дней сохранился лишь один форт.

К этому времени «подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка» в Штральзунде уже давно не было. В упоминавшемся выше рапорте он писал: «Через два месяца я бежал с подпоручиком Пузино, переплыв пролив между Денгольмом и материком, и шел дальше на полуостров Дарсер-Орт, откуда, взяв лодку, думал переправиться по морю на датский полуостров Фальстер, до которого было всего 36 верст. Но случайно мы были оба пойманы через 5 ночей охраной маяка на берегу. После того как я отсидел в тюрьме и под арестом, я был через некоторое время отправлен в крепость Кюстрин, в форт Цорндорф². Через три недели я был оттуда отправлен в солдатский лагерь Губен... Через месяц... я был отправлен в лагерь Бесков. В Бескове я был предан военному суду за высмеивание коменданта лагеря, был присужден к трем неделям ареста и отбыл их. Из Бескова я был переведен в Галле, откуда через три месяца в Бад-Штуера 6 сентября 1916 г[ода] я убежал с прапорщиком Филипповым, спрятавшись в ящики с грязным бельем, которое отправляли в город для стирки. По дороге на станцию, в лесу, мы вылезли из ящиков, и так как немецкий солдат, везший белье, не был вооружен, то очень нас испугался и не мог задержать. После этого мы шли вместе 500 верст в течение 27 ночей, после чего я был пойман на мосту через реку Эмс у Зальцбергена, а прапорщик Филиппов благополучно убежал и через три дня перешел голландскую границу и возвратился в Россию. Поймавшим меня солдатам я объявил, что я русский солдат Михаил Дмитриев из лагеря Миндена, надеясь легко убежать из солдатского лагеря. Пока обо мне навели справки, меня посадили в близрасположенный лагерь Бекстен-Миструп. Проработав там вместе с солдатами пять дней, я опять убежал со старшим унтер-офицером Аксеновым и ефрейтором Красиком. Через три ночи пути, удачно переплыв реку Эмс и канал, идущий вдоль границы (оба препятствия охранялись), я был пойман последней линией часовых к западу от Меппена, оба же солдата благополучно пробрались в Голландию. К этому времени я был уже настолько переутомлен, что не в состоянии был опять идти в солдатский лагерь, и потому, назвавшись своим именем, я возвратился опять в лагерь Бад-Штуер, проведя несколько дней в тюрьме в Меппене. В Бад-Штуере я отсидел три недели под арестом и был отправлен в крепость Ингольштадт, в форт IX, лагерь для бежавших офицеров» [Шабанов, с. 91].

В Ингольштадте, куда подпоручик Тухачевский прибыл 18 ноября 1916 г. из Бад-Штуера, его товарищем по форту IX был среди прочих капитан Шарль де Голль. Ингольштадтским братством гордились. Де Голль писал матери: «Поддерживающим обстоятельством в нашем положении является отличное товарищество, которое царит среди нас. Оно препятствует возникновению морального одиночества» [Treffer, 1982, S. 220]. Попав в другой лагерь, он печалился: «Я не жалел бы о том, что я сменил лагерь, если бы не отсутствие моих прекрасных товарищей» [Ibid., S. 223].

Французский публицист, приятель де Голля и Тухачевского Реми Рур, вспоминал, что капитан де Голль в глухом каземате, куда доносились снаружи лишь звуки шагов коридорных надзирателей, частенько рассказывал о реальных

² Сокамерником Тухачевского в лагере Цорндорф был Ролан Гарос.

боях, в которых он принимал участие, главным образом, в Шампани. Тогда же де Голль поделился с товарищами новыми планами — начатой работой над своей первой книгой «Разногласия у врага» [Treffer, 1982, S. 243]. Среди слушателей глав первого опуса французского капитана был русский подпоручик Михаил Тухачевский.

«Это был молодой человек, аристократически-раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода» [Fervacque, p. 13] — таким было первое впечатление, произведенное Тухачевским на обитателей форта IX. Франкофил Тухачевский органично вошел в среду французских офицеров-пленников — в большинстве своем аристократов. Тому способствовало и великолепное знание языка. На французском он с детства говорил, как на родном. «Он был очень симпатичным и охотно навещал своих французских товарищей... охотно рассказывал... о своем детстве в Пензе, родне, воспитании, о французской или итальянской бабке, и все это без меланхолии» [Treffer, 1982, s. 245]. Его дружба с де Голлем и Реми Руром была абсолютно закономерной. С де Голлем Тухачевского, несомненно, объединяло острое переживания происходящего, стремление к активной деятельности и радикализм. Оба молодых пленника стремились иметь суждение обо всем происходящем, в пользу чего говорили и широкий кругозор, и уверенность в себе. Не случайно французские приятели, шутя, «перекроили» фамилию «Тухачевский» на «Тушатушский», т. е. касающийся всего, обо всем имеющий мнение. Кстати одному из своих французских товарищей — капитану де Гойсу — Тухачевский помог бежать, откликнувшись за него на проверке, благодаря чему пропажа пленника была обнаружена не сразу, и он смог благополучно скрыться. Ставший впоследствии генералом, де Гойс и в 1930-е гг. с благодарностью вспоминал об «обаятельном и мужественном русском подпоручике» [Кантор, с. 10].

Форт IX лагеря Ингольштадт был одним из самых суровых по условиям в этой крепости. Бытовые условия считались весьма аскетическими. Каждому офицеру полагалась кровать с матрасом и подушкой, постельное белье и 2 одеяла. Стул и табуретка, устройства для подвешивания одежды и размещения пищевых продуктов (шкаф, тумбочка или комод), бак для мытья, сосуд для воды, полотенце, стол, ведро. Предусматривалось «достаточное отопление и освещение» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 36]. В каждом каземате размещались от 3 до 8 офицеров, что трактовалось представителями дипломатических миссий Красного Креста как «страшная скученность». Казематы форта IX имели, например, площадь 6 × 12 м каждый, т. е. 72 м². В каждом — по 7 офицеров, т. е. на одного офицера приходилось по 10 м². В фортах наряду с помещениями, где был только холодный душ, имелись и другие, в которых находились душ и ванна с холодной и горячей водой [Ibid., S. 39].

Содержание офицеров оплачивалось из их жалования в соответствии с чином, но изымать на эти расходы разрешалось не более половины денежного довольствия. Французским и бельгийским офицерам оставшаяся половина жалования выдавалась на руки, русские же не получали ничего — их жалование в Германию не переводилось. Они могли рассчитывать лишь на помощь из дома.

Особая тема — питание. Обеспечение военнопленных едой стало к 1915 г. проблемой из-за неожиданно большого числа пленных и блокады со стороны антигерманской коалиции. Согласно постановлению прусского военного министерства от 1 апреля 1915 г., каждый военнопленный получал ежедневно 85 г белков, 40 г жиров, 475 г углеводов — в общей сложности 2 700 ккал. Столько же полагалось немецким солдатам на фронте. Вначале общее питание военнопленных в отдельных лагерях было передано в частные руки. Но поставщики не выполняли обязательства, «доходило даже до недобросовестности — например, колбаса наполнялась мукой и водой, а молоко разбавлялось водой» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 50]. Была даже создана правительственная комиссия, которая проверяла качество продуктов, поставляемых «частниками». С 24 апреля 1915 г. лагерям была дана санкция на ведение собственного хозяйства.

Еда должна была быть «в достаточном количестве и питательной», «по возможности разнообразной». Однако из-за экономических проблем военного времени продукты дорожали, рацион скудел: пленным офицерам в 1915 г. стали давать только снятое молоко и исключили из их рациона белый хлеб. «Выпеченный из заменителей хлеб французы ели только “при необходимости”, отдавали его русским или выбрасывали...» [Ibid, S. 48]. Подобные «тяготы» не давали покоя французским пленникам, склонным даже проводить забастовки против некачественного питания. Куры сначала были только в форте «Принц Карл» и форте X, и узники остальных фортов восстали против такой дискриминации. С начала 1917 г. несущки появились во всех фортах: плен без свежих яиц, очевидно, превосходил все представления о прусской жестокости. После многократных обращений офицерам было разрешено в сопровождении конвойных и переводчика ходить в город за покупками, например, за фруктами.

Кухни имелись в каждой части лагеря Ингольштадт. Надзор осуществлял постоянный офицер или унтер-офицер. К работе на кухне привлекались и подключались подручные из «особо чистых военнопленных». Доверенные лица военнопленных обязаны были «постоянно быть на кухне и передавать возможные пожелания»... В ингольштадтском офицерском лагере не было столовых, офицеры питались в своих казематах, где они обслуживались ординарцами. Тарелки, ножи, ложки и вилки приобретались офицерами за свой счет.

Однообразие меню частенько вызывало нарекания пленных аристократов. Чтобы получить представление о причинах недовольства, процитируем меню.

Меню с 24.10 по 6.11.15

Воскресенье

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем

Вечер: какао с джемом

Понедельник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: рисовый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем

Вечер: сыр из саго, печеночный паштет

Вторник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина со шпинатом и картофелем

Вечер: рисовый суп и десертный сыр

Среда

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: рисовый суп, копченое мясо

Вечер: суп из саго, регенбургские колбаски с картофелем

Четверг

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем

Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»

Пятница

Утро: кофе с молоком и сахаром

Обед: кислые щи, говядина с зеленым салатом и картофелем

Вечер: печеночный паштет с картофелем

Суббота

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: суп-жюльен, голубой сазан с картофелем

Вечер: ореховый суп, регенбургские колбаски с картофелем

Воскресенье

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: кислые щи, говядина с картофелем

Вечер: какао с джемом

Понедельник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем

Вечер: суп из саго, селедка с картофелем

Вторник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: кислые щи, говядина с капустой и картофелем

Вечер: ореховый суп и десертный сыр

Среда

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: суп из саго, жаркое из говядины с картофелем

Вечер: овощной суп, печеночный паштет с картофелем

Четверг

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина с морковным пюре

Вечер: кислые щи, десертный сыр, картофель

Пятница

Утро: кофе с молоком и сахаром

Обед: суп из саго, говядина, овощное пюре и картофель

Вечер: кислые щи и колбаса

Суббота

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, морская рыба, с картофелем

Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»

К этому рациону можно было приобрести и множество других продуктов: чай за 25 пфеннигов, какао — 80 пфеннигов за 250 г, бульонные кубики — 10 пфеннигов за штуку, томатный соус — 50 пфеннигов, селедка в томате — 90 пфеннигов за упаковку, лимонад — 12 пфеннигов за бутылку, вино, табак и сигареты и т. д.

Дополнительными источниками питания являлись «подарки» с родины или от благотворительной организации. С 1 февраля 1916 г. по 31 января 1917 г., например, пленные британцы получили 5 млн пакетов-подарков в среднем по 4,1 кг каждый, французы — 22,3 млн пакетов по 3,6 кг. Информации о русских в ингольштадтских материалах нет. Благотворительная помощь в виде посылок с одеждой первоначально отклонялась немецкой стороной, но в мае 1915 г. была разрешена с учетом развития обстановки...

Один из первых «подвигов» Тухачевского — участие в похищении сундука с картами местности и компасами, изъятыми лагерной охраной при обысках узников, готовивших побег или пойманных после него. Пикантности происшествию и адреналина злоумышленникам добавляло то, что сундук был похищен непосредственно из бюро коменданта Ингольштадта. Эта проделка, осуществленная русско-французским коллективом, осталась безнаказанной. Похищенное было тщательно спрятано в казематах, а обыск, впрочем, проведенный, по свидетельствам самих же обыскиваемых, лишь символически, результатов не дал [Treffer, 1980, S. 244].

На протяжении всего пребывания в Ингольштадте Тухачевский имел репутацию узника, доставляющего много хлопот. Как он сам впоследствии признавался однополчанам, это объяснялось желанием попасть в тюрьму, которая охранялась менее строго, чем лагерь, что увеличивало шансы побега. Сохранилось письмо Тухачевского, адресованное коменданту форта. Форма и содержание этого документа беспрецедентно не только по подчеркнутому несоблюдению субординации, но и по мотивировке недовольства:

«Сегодня, во время поисков подкопов, низшие чины Германской Службы отодрали занавески, защищающие меня от тяги из окна и разбросали все мои вещи на столе. По уходе они ничего не поставили на место и не устроили. Все это произошло в моем отсутствии, и когда я возвратился, я нашел все в ужаснейшем беспорядке.

Предполагая, что производство этих поисков не имеет целью устройство беспорядка, и считая такое отношение низших чинов к офицеру оскорблением, я письменно заявляю об этом, прошу разбора этого дела и ограждения меня в будущем от подобного произвола.

Подпоручик Тухачевский

20 марта 1917 года» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 15].

Искать подкоп представители Германской службы охраны лагеря начали отнюдь не по наитию. Незадолго до того Тухачевский и его товарищи решили прорыть лаз. Они «ночью, раздвинув доски пола, рыли подкоп, днем тайно выносили землю. Кончилась эта попытка неудачей» [Никулин, с. 35]. Как не вспомнить меткое наблюдение одного из приятелей Тухачевского по форту IX: «В его поведении многое было навеяно литературой» [Fervacque, p. 79]. Потребность

в чтении в Ингольштадте удовлетворялась вполне — даже «книжный гурман» де Голль писал родным, что в форте оборудована хорошая библиотека [Treffer, 1982, S. 220]. Библиотеки в немецких лагерях, в том числе и в Ингольштадте, были организованы самими военнопленными с помощью благотворительных обществ. Офицеры, в основном пожилые, покупали за свой счет книги на сумму в среднем до 1 000 марок в месяц. В Ингольштадтском барачном лагере имелась читальня и библиотека. В фортах также были созданы библиотеки. Библиотека форта Орфф, например, располагала 750 французскими и 650 русскими книгами, форта VII — 1 100 книг, «в основном, романы, далее — исторические и философские произведения» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 78], преимущественно на французском языке. В библиотеках каждого форта имелся читальный зал, для освещения которого предусматривалась дополнительная доза керосина. В Ингольштадт поступали только журналы и газеты, лояльно настроенные к Германии или прошедшие цензуру.

Именно в плену Тухачевский всерьез увлекся политикой. Вот свидетельство его самого: «Впервые серьезно стал интересоваться политикой с Февральской революции, когда и началось мое знакомство с основами марксизма. Оторванный от России и имея лишь немецкие газеты, не дававшие полного представления о развитии революции, я сочувствовал в первые дни эсерам, но скоро отказ последних от принятия государственной власти в руки социалистов дискредитировал их в моих глазах. Тому же содействовало и знакомство с учением Маркса, последователем которого я становился» [ЦА ФСБ РФ. АСД Р-9000 на М. Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт «Записка о жизни от 27.09.1921»].

Тухачевский начал внимательно отслеживать деятельность большевиков в России. Агитационная литература, в том числе социал-демократическая, проникла в лагерь из Швейцарии. Проблем с изучением марксизма у Тухачевского, хорошо знавшего немецкий, не было. Да и программа, и брошюры с постулатами политической деятельности РСДРП также, вероятнее всего, попадали в Ингольштадт из Цюриха. Н. К. Крупская писала в воспоминаниях: «Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленниками, томившимися в немецких лагерях. Материальная помощь, конечно, не могла быть очень велика, но мы помогали чем могли, писали им письма, посылали литературу» [Крупская, с. 276]. Первую — «лингвистическую» — смену настроений Тухачевского зафиксировали его французские друзья: «Хозяева называли меня по-прежнему “Ваше благородие”, но я их назвал “товарищами”», — рассказывал Тухачевский Реми Руру, вернувшись с обеда из соседнего каземата, где находились его русские приятели.

«Однажды, — вспоминал Рур, — я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезавшие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу... Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: “Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти”. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью.

Я захохотал. “Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Дажь-бог — бог Солнца, Стрибог — бог Ветра, Велес — бог искусств и поэзии, наконец, Перун — бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести”» [Fervacque, p. 73–74]. Тухачевский в Ингольштадте увлекся резьбой, изготавливая забавные фигурки. Из плена домой в 1917 г. он привез любимые игрушки — вырезанных им из дерева маленьких идолов...

Монотонность лагерных будней может тяжело сказываться на состоянии психики, — констатировала комендатура Ингольштадта. «Миновала вторая пасха во время моего пребывания в плену. Не могу утаить от вас, что испытываю огромную невыразимую тоску», — признавался родным Шарль де Голль [Treffer, 1982, S. 221]. Переключки членили дни на части. В декабре 1914 г. в фортах VIII, IX, X переключки проходили в 9.00, 11.00, 14.00 и в 16.00, причем две из них — в казематах и две — во дворах фортов, «при неблагоприятной погоде» — под укрытием. Между проверками военнопленным разрешалась «ходьба». За нахождение вне каземата после 16.00 военнопленный мог быть наказан, вплоть до расстрела [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 70]. В начале 1915 г. «психическая» проблема проявилась очевидным образом, в связи с чем были созданы условия для духовных и физических занятий военнопленных. «Вы часто спрашиваете меня, гуляю ли я. Да, по меньшей мере два часа в день, по территории форта... Как только позволит погода, я снова начну заниматься спортом», — писал де Голль матери [Treffer, 1982, S. 220].

В фортах существовал театр, в основном французский. Русский театр был лишь в одном форте. Но в нем могли играть и знавшие французский русские офицеры. К их числу относился и Тухачевский.

Любопытны воспоминания о лагерных спектаклях. Театральные вечера были большим событием. Зрители приходили в «безукоризненной униформе». В части каземата устраивался буфет, где угощались вином. Восторг зрителей вызывали женские роли. Сцена в этих случаях наполнялась запахами, порождающими выражение «женского начала во французском характере». Исполнители женских ролей были одеты в специально присылаемые французам и бельгийцам для этой цели с родины чулки, белье, дамские платья и т. д. «Дамы» в перерывах между действиями были окружены «кавалерами», которые сопровождали их «под ручку» в буфет. Наиболее успешные исполнители женских ролей удостоивались особого внимания и галантности, даже «целования ручки» [Treffer, 1982, S. 220].

Жизнь преподносила сюжеты, ничуть не уступавшие театральным — от фарса до драмы. Тухачевский — на первых ролях. Против него было возбуждено дело об оскорблении унтер-офицера. Инцидент носил трагикомический характер, что заметно даже по тексту донесения от 8 апреля 1917 г. «Унтер-офицер Ганс Абель в IX форте вечером 7 апреля в 9.00 предпринял предписанную переключку

в казарме левого крыла. Когда Абель проверял камеру номер 9, то обнаружил, что одного офицера нет. Потому он осмотрел всю камеру и нашел застеленную койку. Чтобы выполнить свои обязанности, он должен был убедиться в том, что на ней лежит именно тот офицер (которого он недосчитался на переключке. — Ю. К.). Абель осветил карманным электрическим фонариком одеяло койки бегло против лица данного офицера — лейтенант Тухачевский³. Тот немедленно закричал на Абеля: “Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!” На что Абель спокойно переспросил: “Что вы сказали?!” Лейтенант Тухачевский снова закричал: “Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!” Абель записал эти оскорбительные выражения и вышел из помещения» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Tatbericht», S. 1].

Дело было передано в суд ингольштадтской комендатурой 14 апреля. Тухачевского приговорили к шести месяцам тюрьмы.

Несомненно, вынесению жесткого приговора «поспособствовала» и устоявшаяся репутация Тухачевского: «Лейтенант Тухачевский — дерзкий молодой офицер, который дерзил унтер-офицерам и адресовал им оскорбительные реплики» [Ibid., Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Beleidigung», S. 5]. Как упомянуто в судебном определении, наказание Тухачевского имело еще и назидательный характер: некоторые пленные офицеры Ингольштадта «высокомерно и нагло» обращались с унтер-офицерами, служившими в лагерном охранном персонале. Узники попросту отказывались признавать лагерный регламент, в соответствии с которым охрана, включая низшие чины, являлась для них вышестоящим персоналом, которому надлежало безоговорочно подчиняться. Для того чтобы оградить унтер-офицеров от унижений со стороны пленных, суд вынес Тухачевскому «образцовый» — максимально жесткий — приговор, чтоб «другим было не повадно» [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 21 (rück)-22].

Уже спустя три дня Тухачевский письменно информировал председателя ингольштадтского суда генерал-лейтенанта Лангнетцера:

В связи с объявленным мне приговором суда от 13 июля 1917 года, предусматривающим шесть месяцев тюрьмы за оскорбление унтер-офицера Абеля, я обращаюсь в Высший Военный суд Нюрнберга, поскольку я не был оправдан.

Лейтенант Тухачевский

Ингольштадт форт IX комната 15

16 июля 1917 года [Ibid., Inf. Brig. №119/1 von 1917, S. 23].

Ожидая, пока баварская судебная машина переверит в различных инстанциях дело об оскорблении унтер-офицера, заскучавший было Тухачевский стал героем еще одного конфликта, на сей раз — с комендантом лагеря генералом Петером. Гуляя по двору форта, Тухачевский столкнулся с ним. Увидев небрежно одетого, засунувшего руки в карманы русского лейтенанта, генерал замедлил шаг и спросил: «Почему вы меня не приветствуете — не отдаете честь?» Тухачевский молчал. «Немедленно выньте руки из карманов и отдайте честь!» Никакого внимания. «Лейтенант, вы увидите, что вам это дорого обойдется!» Тухачевский поднял

³ Русское звание «поручик» эквивалентно немецкому «лейтенант».

глаза и холодно поинтересовался: «Сколько марок?» [Treffer, 1980, S. 245] Генерал Петер сарказма пленного подпоручика не оценил и подал в суд.

С этого момента расследования двух дел об оскорблении — унтер-офицера Абеля и генерала Петера — шли параллельно и тянулись до 1919 г. Документы переходили из Ингольштадта в Нюрнберг (в Верховный военный суд Баварии) и возвращались обратно. Назначались все новые даты разбирательств, пока, наконец, 4 октября 1917 г. на очередном штампе не возникла размашистая надпись от руки красным карандашом: «Судебное заседание состояться не может, поскольку подсудимый снова убежал» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Flücht», S. 31 (rück)].

Пятый по счету побег оказался успешным. Информация о нем дошла до Нюрнберга лишь два месяца спустя. Еще полгода спустя, в энный раз пунктуально поинтересовавшись, не пойман ли беглец, 8 апреля 1918 г. судебное представительство третьего баварского Королевского армейского корпуса было вынуждено констатировать: «Нет сомнений в том, что побег лейтенанта Тухачевского удался. Предлагаем вернуться к рассмотрению дела 1 апреля 1919 года» [Ibid., Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Flücht», S. 33].

А начиналось все так. 16 августа 1917 г. в комендатуру лагеря Ингольштадт поступил рапорт «О русском лейтенанте Тухачевском М. Н., полк инфантерии, о русском капитане Чернивецком С. С., штаб 53 дивизии, в связи с попыткой побега. Сегодня 9 русских офицеров, давших письменно честное слово и обязавшихся во время прогулки не предпринимать попыток к бегству, были выведены на прогулку унтер-офицером Гофманом по установленному маршруту... На обратном пути два русских офицера — лейтенант Тухачевский и капитан Чернивецкий — быстро пошли вперед, в то время, как унтер-офицер Гофман остался замыкающим колонну пленных. По прибытии домой оба названных офицера отсутствовали. Предположительно они находились поблизости от Цухеринга и пытаются оттуда продвигаться далее. Капитан Чернивецкий совсем не говорит по-немецки, Тухачевский — только на ломаном. Обязательства честного слова (бланки заявлений. — Ю. К.) и личные карточки заключенных прилагаются» [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Tatbericht», S. 1].

Содержание стандартного бланка обязательства:

Объявление.

Я даю свое честное слово, в случае моего участия в прогулке, во время самой прогулки, т. е. с выхода из лагеря и до возвращения в него обратно, не совершать побега, во время прогулки следовать всякому распоряжению конвойных и не совершать никаких действий, угрожающих безопасности германского государства.

Я знаю, что на основании § 159 свода военных законов о наказаниях, военнопленный, совершивший побег несмотря на данное честное слово, подвергается смертной казни [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Erklärung», S. 5].

Какова же была жажда освобождения, если Тухачевский и Чернивецкий решились на побег, зная, что в случае поимки их ждет смерть...

Комендатура лагеря зарегистрировала это донесение лишь через 5 дней — 21 августа 1917 г. Ответ последовал еще через 5 дней — 26 августа. Немецкое

делопроизводство, что в военное, что в мирное время, к счастью для беглецов, велось без спешки.

Тухачевскому удалось бежать; это был пятый его побег. Об этом он рапортовал полковому начальству: «Начало побега было очень неудачно. Сразу же в лесу мы наткнулись на жандарма, который нас долго преследовал. Наконец, разделившись, мы побежали с капитаном Чернивецким в разные стороны. Жандарм стал преследовать меня, но через полчаса выбился из сил и отстал. Что стало с капитаном Чернивецким, я не знаю. Через 9 дней я был пойман жандармом, объявился солдатом Михаилом Ивановым из лагеря Мюнстера, был помещен в лагерь Лехфельд, где отбыл наказание для солдат, и после был отправлен в лагерь Пукхейм. Там я работал вместе с солдатами три недели и наконец убежал с унтер-офицером Новиковым и солдатом Анушкевичем. Через десять ночей ходьбы они были пойманы жандармами у города Шторгга, а я убежал и еще через три ночи ходьбы перешел швейцарскую границу у станции Таинген. Оттуда я следовал на Петроград через Берн, Париж, Лондон, Христианию и Стокгольм» [Шабанов, с. 91–92].

Из материалов дела: «16 августа 1917 г. в половину седьмого вечера унтер-офицер Гофман, который вел на прогулку русских офицеров, давших письменное обязательство словом чести не совершать побегов во время прогулок, доложил, что два офицера скрылись из виду. При немедленно поднятой тревоге было установлено, что исчезли русские офицеры капитан Чернивецкий и лейтенант Тухачевский. На следующий день через французского лейтенанта Лаба мне было передано прилагаемое письмо Тухачевского, которое я, за отсутствием русского переводчика, направляю в комендатуру для перевода» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 9–11].

Протицируем и его:

Милостивый государь!

Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова я не убежать с прогулки не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться.

Примите уверения в глубоком почтении

Подпоручик Тухачевский

10 августа 1917 г. [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Flücht», S. 6–6 (rück)].

Судя по дате, письмо было написано до побега. Неоспоримое свидетельство того, что Тухачевский испытывал потребность объясниться, внятно «зафиксировать» собственную незапятнанность в нарушении кодекса офицерской морали (русской и французской, воспитанной на идеалах XIX в.). При всей самоуверенности, он весьма зависел от мнения избранных им же самим в качестве «референтной группы» людей и не позволил бы себе нарушить нормы чести.

В письме прочитывается и стремление оградить товарищей от возможных подозрений лагерного начальства — именно потому столь подробно описывается история подлога. Кстати, Тухачевский, уже находясь в России, продолжал посылать письма своим приятелям из форта IX, что было зафиксировано в его ингольштадтском деле [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Beleidigung», S. 31].

Через Швейцарию Тухачевский прибыл в Париж, явившись к русскому военному атташе — графу Игнатьеву (в будущем — автору знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю»). По распоряжению графа Игнатьева Тухачевскому были выданы деньги «в размере, необходимом для поездки до Лондона». Игнатьев же написал письмо российскому военному посланнику в Лондоне Ермолову, вверив бежавшего подпоручика его заботам. После двух с половиной лет неволи Тухачевский наконец прибыл в Россию — за несколько дней до октябрьского переворота 1917 г. Де Голль (в общей сложности предпринявший шесть неудачных попыток побега) был освобожден после перемирия в ноябре 1918 г. По грустной иронии судьбы, двум друзьям вскоре суждено было оказаться по разные стороны баррикад: в 1920 г. Шарль де Голль, которому исполнилось 30 лет, в чине майора участвовал (на польской стороне, как член французской военной миссии) в советско-польской войне, где войсками РККА командовал 27-летний командарм Михаил Тухачевский.

Кантор Ю. З. Михаил Тухачевский маршал Советского союза: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Изв. № 32(26589). 21.02.2004. С. 10. [Kantor Yu. Z. Mixail Tuxachevskij, marshal Sovetskogo soyuza: «Ya xochu sdelat' vyvod iz e'toj gnusnoj raboty» // Izv. № 32(26589). 21.02.2004. S. 10.]

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. 439 с. [Krupskaya N. K. Vospominaniya o Lenine. M., 1957. 439 s.]

Никулин Л. В. Тухачевский. Биографический очерк. М., 1964. 198 с. [Nikul'in L. V. Tuxachevskij. Biograficheskij ocherk. M., 1964. 198 s.]

РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 50. [RGVIA. F. 291. Op. 1. D. 50.]

ЦА ФСБ РФ. АСД Р-9000 на М. Н. Тухчевского, И. П. Уборевича и др. [CA FSB RF. ASD R.-9000 na M. N. Tuxchevskogo, I. P. Uborevicha i dr.]

Шабанов В. М. В свой полк из плена через шесть границ // Воен.-ист. журн. 1996. № 5. С. 90–92. [Shabanov V. M. V svoj polk iz plena cherez shest' granic // Voen.-ist. zhurn. 1996. № 5. S. 90–92.]
Bayerisches Hauptstaatsarchiv München. Inf. Brig. № 119/1 von 1917; № 289 von 1917; № 2, T. 1 von 1918.

Ferrocque P. Le chef de l'armée Rouge — Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928. 225 p.

Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager. Ingolstadt, 1999.

Treffler G. Zur Ingolstädter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 89. Jahrgang, 1980. S. 243–252.

Treffler G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolstadt Kriegsgefangenschaft // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 91. Jahrgang, 1982.

Статья поступила в редакцию 14.05.2014 г.